

НАША СТРАНА

Editor: JUAN SOLONEVITSCH

Casilla Correo 2847

Buenos Aires

"NUESTRO PAIS"

Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. N° 279513

AÑO I.

Buenos Aires, 19 de Febrero de 1949

No. 12.

ТЕМНЫЕ СИЛЫ

Можно предполагать, что новым поколениям всех наших эмиграций этот термин неизвестен. В 1914-1917 г. г. говорилось, что Престол окружен "темными силами", или сам является "темной силой", готовящей России поражение. Потом "темные силы" погибли в подвале Ипатьевского дома и "светлые силы" соорудили на бывшей Святой Руси еще несколько тысяч подвалов. Петроград этих лет — только Петроград, а не пролетариат, не крестьянство, не фронт, не Россия вообще — был охвачен каким-то психозом: люди восторженно совали свои головы в петлю революции, и в салонах петроградской аристократии люди, захлебываясь от восторга и сенсации, подрывали устой того государственного строя, от которого зависела жизнь России — но так же и их собственная жизнь. Они, разумеется, не ведали, что творили — если бы ведали, вероятно, тронить не стали бы. Сейчас в эмиграции есть достаточное количество людей, которые решительно не понимают, что они делают.

Может быть не следует их слишком строго обвинять. Французский историк проф. Олар грустно сознался в том, что "история учит только тому, что она вообще никого ничему не учит". К сожалению, это верно: П. Н. Милюков был профессором истории — чему научила она его? Но все-таки есть какое-то количество людей, которые за эти страшные годы должны бы чему-то научиться. Уроки были все-таки слишком уж пагубны. И плата за них была слишком уж дорога. Но — вот:

По поводу бракосочетания Великого Князя Владимира Кирилловича ползают по эмиграции какие-то истинно темные силы — темные только потому, что не ведают, что творят — и снова в несколько ином варианте повторяют работу своих предшественников по 1914—17 г. г.: Великий Князь потерял свои права на престол — если и, вообще Он когда-то их имел. Приводятся генеалогические, юридические и исторические соображения, которые, собственно говоря, должны констатировать тот факт, что Законного Правопреемника Престола мы не имеем вовсе. Еще одна параллель: так называемые "низы" эмиграции приняли это бракосочетание с чувством огромной удовлетворенности. Верхи шипуют: не равноправный брак. Ко всему этому прибавляются вещи, которые по старым русским законам определяются, как оскорбление Величества. Словом — совсем, как встарь. Ничего или почти ничего не пишется в газетах — по пишутся письма, распространяются слухи — и даже такая газета, как "Наша Страна", получа-

ет письма даже от таких людей, как наши штабс-капитаны — от людей, называющих себя монархистами и подрывающих монархию точно так же, как подрывала ее аристократия 1916 года. Именно поэтому нужно, как мне думается, еще раз вернуться к вопросу о "равнородстве" и о том, что из него вытекает.

ЮРИДИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Монография проф. М. Зызыкина "Царская Власть и Закон о Престолонаследии в России" была издана в 1924 году в Софии, — то-есть за четверть века до бракосочетания Великого Князя Владимира Кирилловича. Проф. Зызыкин считается большим специалистом в вопросах канонического права и истории церкви. Он устанавливает следующие факты.

Закон о равнородстве впервые был установлен манифестом Александра I от 20 марта 1820 года, то-есть Глава Династии ввел изменения в основные законы, сформулированные Павлом I. Если в одном случае Глава Династии эти законы и изменил, то

не видно, почему Государь не может уничтожить принцип равнородства, не отвечающий более тем политико-юридическим воззрениям, которые его породили в 17 веке (стр. 130).

Эти воззрения автор формулирует так:

"Будучи продуктом феодально-аристократической среды, этот принцип совершенно чужд русскому праву и едва ли имел свое оправдание в том *raison d'être*, который дал ему жизнь в Германии: содействовать блеску Дома" (стр. 126).

Далее автор устанавливает тот факт, что принцип равнородства родился в Германии, был принят только в Германии и только Россия заимствовала его из Германии:

"В Англии, Испании, Норвегии, Швеции Члены Царствующих фамилий могут заключать браки полноправные для своего потомства с лицами, даже не принадлежащими к дворянству. Гарантией того, что брак будет соответствовать своему назначению... считается достаточным дисциплина и контроль царствующего Государя".

Общие выводы проф. М. Зызыкин сформулировал так:

"Нужно уничтожить чуждый русскому праву принцип равнородства, выросший в монархии сословной, в совершенно чуждых нам исторических обстоя-

Emigración de raza superior

El periódico de habla germánica "Freie Presse", que se edita en Bs. Aires, sigue la misma triste política de chauvinismo a ultranza, que tan caro ha sido pagada por Alemania en 1918 y en 1945. Por lo visto, nada han enseñado a la hoja nombrada las tremendas lecciones de estas dos catástrofes. En el número del 1° de febrero cte., ha sido publicado en alemán y en castellano, un artículo sobre "El problema de la inmigración". Este artículo describe, con bastante precisión, la situación de los millones de "personas desplazadas", que se encuentran actualmente en la zona Oeste de Alemania, y hace un llamado a los sentimientos humanitarios de los países transatlánticos. Todo esto, sin duda, está muy bien. Pero, al final, resulta que los buenos sentimientos de las Américas, deben suscitarse únicamente a favor de la "raza superior". Afirma el artículo, que las personas desplazadas, que no pertenecen a la misma (las de todas las demás naciones), se han desmoralizado durante su estadía en los campamentos y no constituyen un elemento útil y deseable. Después viene la exposición detallada de las bellas virtudes, atribuidas a esas personas desplazadas no alemanas, por la prensa del mismo jaez, en tierras germánicas. Se afirma que son especuladores, ladrones, criminales, haraganes, etc. La prensa de Alemania se ha ingeniado de toda manera, para no publicar, en lugar destacado, la declaración oficial del gral. Clay, hecha en la conferencia de prensa, en el mayo pasado. Dijo el comandante en jefe norteamericano, que el porcentaje de criminalidad entre la población nativa alemana es el doble del mismo índice entre personas desplazadas extranjeras. Y precisó: el porcentaje de criminalidad entre alemanes 3.8 o/o y entre extranjeros 1.8 o/o.

El año pasado, "Freie Presse" ha ofrecido una reseña muy detallada del libro del general Holmston, "Sobre los caminos embrujados". En esta reseña no se ha dicho ni una sola palabra del capítulo más significativo de toda la obra. En este

capítulo se dice: "La política insana de Hitler y Rosenberg" "ha logrado convertir el ejército rojo en el ejército ruso" y con esto "ha predeterminedo la desastrosa derrota de Alemania".

De esta futesa, el "Freie Presse", ha preferido guardar un silencio completo. Quiere decir, ha efectuado un pequeño juego de manos: destacó, del libro reseñado, todo lo que podía servir "ad maiorem gloriam" de las armas alemanas, — y no ha mencionado, para nada, lo que dice el general, respecto a las causas que engendraron la guerra y provocaron la catástrofe. En el número del 11 de enero pasado, el mismo órgano insertó un largo artículo, bajo el título siguiente:

"¿PORQUE EL MUNDO NO LOS QUIERE, A LOS ALEMANES?"

Y bien, precisamente por eso, no los quiere.

* * *

Si los procesos mentales de los regidores del "Freie Presse" hubiesen seguido los caminos de razonamiento normal, esta hoja, posiblemente, hubiera comprendido una cosa muy sencilla.

El porvenir de Alemania depende de esto y sólo de esto.

¿Combatirá o no combatirá el ejército rojo, en la futura guerra?

Y, cuanto más se acercará ésta, por su carácter, a una guerra **anti-rusa**, tanto más aumentará el valor combativo del ejército rojo. Y, si el ejército rojo tendrá ganas para guerrear — nada quedará de Alemania, — absolutamente nada: "Schutt und Asche" ("Casco y Cenizas"), según la clásica expresión de los comunicados de guerra, del ex-Gran Cuartel General tudesco.

* * *

Dos veces, en la vida de nuestra generación, los "hombres sesudos" de Alemania — al estilo de los que manejan a "Freie Presse", han logrado provocar el choque entre los dos pueblos, que **no tienen porque pelear**. Las dos veces, el pueblo ruso ha sacado muy poco provecho, — pero Alemania todavía menos. Los "hombres sesudos" de Alemania (Continúa en la pág. 8°)

тельстввах. Казалось бы логичнее уничтожить институт нам не свойственный и в сюду отвергаемый (автор подробно приводит критику этого института в Германии. И. С.), чем разрушать тот, который вытекает из самой идеи царской власти, как учреждения церковного, ибо русская монархия выросла не из сословий, а из Церкви и может игнорировать институты, созданные сословным строем, к тому

же чужим, но не может игнорировать институты, вытекающих из ее органической связи с создавшей ее Церковью. — Что касается незыблемости принципов равнородства, то не существует в светском праве вечно незыблемых законов, и принципу незыблемых для монарха законов не может противоречить уничтожение его властью юридических принципов, уже не отвечающих более обще-

му правосознанию и потерявших свой смысл. Как известно, и наши неизбежные законы о престолонаследии подвергались изменению. Так, например, они не знали принципа равноправия от издания Акта 5 апреля 1799 вплоть до 1820. А святость подвига православного Царя и его сана не может быть усилена, ни ослаблена никаким иным блеском, никакими сочетаниями... Понятие равноправия — понятие чисто сословное и не может прибавить ничего к тому, что держится на самоцветном блеске нравственного подвига".

Итак: принцип равноправия родился в Германии и, кроме России, нигде больше принят не был, он является выражением сословного государственного строя, он был введен в изменении неизбежных законов Павла Первого, он чужд русскому правосознанию и он находится в противоречии с Православной Церковью. И кроме всего того, введенный Главой Династии — он может быть отменен Главой Династии.

Если признать проф. Зызыкина достаточным авторитетом — а он им, кажется, является, то о юридических соображениях, пожалуй, и говорить больше не стоит. Но есть и другие соображения.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Итак: проф. Зызыкин — если даже и отставить в сторону его чисто юридические исследования, приходит к тому выводу, что институт равноправия не отвечает православному мировоззрению, что он является только подражанием сословно-феодальным отношениям Западной Европы и что в России для него места быть не должно. В моей "Белой Империи" я — очень осторожно пытаюсь отстоять ту же точку зрения (эта глава была написана пять лет тому назад). Я не могу изложить в этой статье моих доводов, как не могу изложить и всех доводов проф. Зызыкина. "Белая Империя" является, говоря очень суммарно, призывом "домой в Москву", — конечно, не в сталинскую. И в частности — очень сдержанным призывом к возвращению "домой в Москву" также и в вопросе о "равноправии". Сейчас, когда этот вопрос поднят так откровенно и так бестактно — я считаю возможным и свои мысли развить несколько за пределы такта.

Закон о равноправии, введенный после Павла Первого, ставит наследника престола, его супругу и русский народ в такое положение: Наследник русского престола обязан жениться на иностранке. Наследник немецкого не обязан, ибо в Германии владетельных домов есть сотни, а в России — только один. Невеста наследника престола обязана перейти в православие или сделать вид, что она перешла. Жена наследника престола должна стать русской — или сделать вид, что она стала русской. Проф. Зызыкин отмечает тот факт, что Члены Императорского Дома не могли жениться на католичках, ибо католицизм не шло на перемену религии. Протестантки — шло. Люди, знающие историю любви и брака Николая Второго — вероятно, знают, какую тяжестью легла на будущую Императрицу Российскую перемена религии. В случае с Импе-

ратрицей Александрой Федоровной произошло то, что мы могли бы назвать чудом: Она действительно стала православной и русской. Однако: я имею право верить в это чудо, но ряд других людей имеет право же и право в это чудо не верить. Удар по русской монархии был, в частности, нанесен и с такой стороны: "царица — немка". Это был не честный удар: по свое дело или какую-то часть своего дела он сделал: "царица — немка и работает в пользу немцев". Но так как вся революция была построена на сериях нечестных ударов, то что уж тут говорить о чести...

Когда я писал "Белую Империю", о монографии проф. Зызыкина я не знал ничего. Однако — ход мыслей был тем же самым. Закон о равноправии вносит в русскую монархию неправославные и нерусские влияния. Одно из основных отличий православия от католицизма заключается — по моему мнению — в том, что в православии обряд сам по себе не имеет никакого значения. Это только обряд. Он получает, или не получает значение только в зависимости от воли лица, его совершающего или его принимающего. Католицизм говорит об *opus operandi*, об автоматическом и механическом действии обряда, в не зависимости от душевного состояния людей. В "Белой Империи" я отмечаю истинно разительный факт полного провала в России всех попыток ввести у нас индульгенции. В православии есть исповедь — то есть востановительная работа совести. По католической догме обряд действует независимо от души.

Я всячески остерегаюсь касаться богословских вопросов, в которых я недостаточно компетентен. Но — богословие богословием. — а православие православием. Во всяком случае с чисто православной точки зрения вполне позволительно сомневаться в том, что немецкая принцесса — как раз в момент своего выхода замуж за русского Великого Князя — религиозно "перековалась", и сделала это совершенно искренне. Менять религию для всякого порядочного человека — очень нелегкая вещь. А — менять религию "по поводу", — неважно по какому поводу, но все-таки по поводу?... "Париж стоит обидки". Зимний Дворец стоит другой? Что остается от религии? И как может доказать Супруга Русского Царя, что она изменила одной религии и приняла другую не только во имя брачной карьеры? И что стоит человек, меняющий религию во имя какой бы то ни было карьеры?

В "Белой Империи" я — в очень осторожной форме — предлагаю изменение Основных Законов: определение права на брак Лица Императорского Дома принадлежит Главе этого Дома — и больше ни к кому. Православие — в переводе этого понятия на язык житейской прозы — есть предельная честность. Как мы, стоя на точке зрения предельной честности, можем требовать от равноправной немецкой принцессы, чтобы она, выходя замуж, искренне переменила бы и свою религию в свою национальность. Это может быть — но этого может и не быть. В это можно верить — но совершенно позволительно в это не верить.

"Неравноправный брак" Великого Князя, как мне кажется, имеет огром-

ное, я бы сказал, историческое значение: этот брак означает: "домой в Москву". Он означает неизбежное изменение будущих Основных Законов в сторону их "русификации"...

Давайте говорить совершенно откровенно. И я, и вы, и всякий русский человек, любящий своего Царя и Наследника этого Царя, предпочитает, чтобы и Царь и Его Наследник женились бы по любви, а не по расчету: какой может быть расчет у русского Царя? И что к блеску Его Короны может прибавить генеалогия Юлих-Цербтского владетельного дома? И я, и вы, и всякий русский человек предпочитает, чтобы будущая Русская Царица вышла бы замуж за Русского Царя по любви, а не по расчету. Для нашего русского сознания выбор жены будущего короля большинством правящей партии в парламенте — есть вещь отвратительная. И я, и вы, и все русские люди предпочитают Царицу, которая с самого нежного детства молилась бы "Отче наш", а не "Патер Ностер", которая с детства знала бы, что есть Верное Воскресенье и что есть вынос Платявницы. Мы вправе желать, чтобы наша будущая Царица еще девочкой слушала бы сказки об Иване Царевиче и о Сером Волке, держала бы в своих пальчиках свечу перед Образом Иверской Божьей Матери и чтобы Пасхальный Звон наших колоколов был бы ей родным звоном. Вправе мы этого желать или не вправе? Православие есть религия любви. Как мы можем требовать замены любви — расчетом? И замену брака по любви — браком по расчету?

—ооооо—

Я честно привел юридические данные проф. Зызыкина, вероятно, есть и другие. Признаться откровенно — ни один, ни другие меня не интересуют: мы народ не юридический или, если хотите, то даже внеюридический. Мы, просто и банально — народ православный — что ничего общего с Римским Правом или с Юстиниановым Кодексом не имеет. Мы все, можем быть, каждый по своему, стремимся заменить букву закона духом любви. В какой любви — и отцовской, и сыновней, и Божеской, и человеческой, и семейной, и общественной. И закон о равноправии ставит законническую препону чувству любви и осуждает людей на брак по расчету. Проф. Зызыкин совершенно прав: это не есть православный закон. Был ли православным целый ряд законов в крепостном праве?

Я не имею никакого права ни осуждать, ни одобрять данный конкретный брак: Великий Князь есть Глава Династии и это Его право — а никак не мое. Но я в качестве русского и православного человека имею право не скрывать своей радости по поводу того, что с законом о равноправии, даст Бог, покончено. Мы хотим Русского Царя. Но мы также хотим и русскую Царицу. "Равнородный брак" вводит целый ряд вопросов, которые чужды русскому религиозному и правовому сознанию, которые из официальной вежливости замалчиваются и которые остаются без ответа.

ЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Мы можем сказать — как говорю я, что чисто юридические соображения не являются решающими, как

не являются решающими они ни в какой решающий момент человеческой или национальной жизни. Юриспруденция выработала понятие "непреодолимой силы", которая снимает с человека всякую ответственность за всякие деяния, которые он предпринимает, когда "непреодолимая сила" ставит перед ним выбор: гибель или нарушение закона. История выработала целый ряд методов "спасения отечества", когда один спаситель громоздится на другого спасителя и все вместе взятые тянут отечество на дно. Спасали и Мирабо и Робеспьер и Бонапарт, спасали и Милюков и Керенский и Ленин, спасали и Эберт и Гинденбург и даже Гитлер. В результате всего этого мы все пока что спасаемся, скажем, в Аргентине. Нет никакого сомнения в том, что число кандидатов в спасители России превышает во всяком случае двухзначную цифру. Что будет, когда эти спасители начнут топтать друг друга по дороге к спасению России? И что собственно означают сомнения в праве Великого Князя Владимира Кирилловича на престол?

Люди, типа г-на X, а их не мало — рассуждают так: Великий Князь, нарушив ст. 188 Основных Законов, как то нарушил и свои права на Престол. Поэтому — мы отдалим свои головы, свою преданность, а, возможно и свои штаны — тому человеку, который на этот Престол не имеет уж вовсе никаких прав. Люди оспаривают легальность прав Великого Князя и предлагают "выборную монархию", где уж вообще никаких легальных прав не будет. Или — еще иначе — заблаговременно предлагают свою поддержку любому захватчику власти.

Люди, предлагающие "выборную монархию", не могут же предполагать эту выборность в том пасторальном стиле, при господстве которого на престол Империи Всероссийской будет избран самый праведный пастух Империи. Совершенно очевидно, что — в случае выборной монархии, будет выбран тот, у которого в данный момент будет "вся власть". Собор 1613 года не избрал монарха — этот Собор со всякими натяжками только устанавливал "законные права на престол". О "выборной монархии" по польскому или по наполеоновскому образцу в 1613 году не было и речи. Нить легитимной монархии была затеряна, и Собор 1613 года пытался ее найти. Он не выбрал. Он только поднял затерянную нить. Что, собственно, предлагают нам сторонники выборной монархии? Только одно: новое истинно социалистическое соревнование по длине ножа и краткости совести? Больше — ничего.

"Всемирные выборы" давно потеряли тот святительский ореол, которым они были увенчаны полвека тому назад. Мы теперь уже знаем, что в технике "гласа народа", основанной на самых современных достижениях науки в мире, — "глас народа" есть глас кошелька. Едва ли особенно мудро поступили четыре самые современные и самые демократические демократии всей человеческой истории, организовав во всех четырех зонах Германии четыре гласа народа по четырем истинно демократическим образцам: в советской зоне — большинство получила советско-польская партия, в английской — социалистическая, в

американской капиталистической, а в Саарском Бассейне честно голосовали за “включение во французскую экономическую орбиту”. Совершенно очевидно, что глас немецкого народа никак не выражает ни одно это голосование. Мне очевиден тот факт, что если бы демократии были хоть на копейку умнее, то они не давали бы изумленному человечеству столь потрясающего образчика: всякая из четырех зон Германии голосует за ту партию, за которой стоит кошелек или пыток соответствующей оккупационной власти. Как представляют себе сторонники выборной монархии тот — более или менее неизбежный оккупационный порядок, который вегетариански и святотельски предоставит Святой Руси избрать на тысячелетний престол — в обход столетней Династии — самого святого человека среди пастухов России? И почему сторонники выборной монархии — не желая прощать Великому Князю его “морганатического брака” заранее готовы простить еще неизвестному и может быть еще не существующему кандидату в выборные цари все его и брачные и внебрачные происшествия? Логика тут нет никакой. Эти люди говорят: Великий Князь не имеет всех прав на престол — поэтому мы будем выбирать человека не имеющего никаких.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

В среде русской антисоветской эмиграции советская агентура, конечно, имеется. После занятия Софии красной армией эта агентура, я полагаю, сошла почти на нет. Все наши споры и трения очень легко объяснимы и без оккультной теории “агентуры Кремля”. “Теория агентуры Кремля” есть политический суррогат “нечистой силы”. Если отбросить Софию с ее центром “внутренней линии” с ее Абрамовыми и Скоблиными, с похищениями Кутепова и Миллера, со взрывом в редакции “Голоса России”, то я, по чистой совести, не вижу никаких оснований искать где бы то ни было в наших эмигрантских трениях, какую бы то ни было советскую агентуру: все очень просто объясняется и без этой всемогущей и всеведущей и вездесущей агентуры. Те люди, которые заваливают нашу редакцию письмами о морганатическом браке Великого Князя, конечно, ни в каком случае советскими агентами не являются — многих из них я знаю лично и с некоторыми из них меня связывают дружеские отношения — как и со многими членами партии ГТСНП. Но — я говорю с предельным и искренним убеждением — я не думаю, чтобы любой из советских агентов мог бы принести больше пользы советам, чем те люди, которые устно и письменно талдычат о потере Великим Князем Его прав на престол. Эти люди наносят нашему общему делу — или пытаются нанести — самый страшный удар, какого мы только можем остерегаться: они рвут в клочки самую идею монархии. Они пытаются расчистить место для театра военных действий будущих Робеспьеров и Наполеонов, Керенских и Корниловых. Они пытаются разорвать с таким страшным трудом — и после таких страшных опытов — кое-как налаживающееся единение зарубежной Руси на той базе, на которой веками объединялась просто Русь. Они, эти люди, “не ведают, что творят”, а творят они, или пытаются творить, новые катастрофы. И перед

лицом новых катастрофических угроз — позвольте уж мне еще раз сыграть мою роль зарубежного Иванушки Дурачка и лаянуть правду.

Лавр Георгиевич Корнилов был, конечно, патриотом, был, конечно, смельчаком и был, конечно, героем — ни одного из этих трех признаков у него отнять нельзя. Теперь начинается роль Иванушки Дурачка: ни один из этих трех признаков никакой роли не играет. В статистике народонаселения России — и Святой и грешной, и подсоветской и зарубежной — процент трусов и предателей неприлично мал. Так мал, что никакая статистика этому не поверит. Я всячески прохаживаюсь по поводу полтора Абрамовичей — но я не имею никакого права обвинить хотя бы одного из них в отсутствии патриотизма или в наличии трусости. Я лично знаю коммунистов всяких призывов — от 1919 до 1948 года, и мне было бы трудно обвинить этих людей в отсутствии патриотизма или в наличии трусости. Очень тонкая — микроскопически тонкая прослойка трусов и предателей гнездится где-то вокруг магистерских и докторских диссертаций.

Таким образом ни патриотизм, ни смелость генерала Корнилова не решает ничего. Но когда рухнула подточенный с разных сторон тысячелетний престол и когда восторженные энтузиасты несли ген. Корнилова на руках и на скрещенных винтовках и когда у ген. Корнилова эти винтовки еще были — он, ген. Корнилов, о тысячелетней монархии не сказал ни слова. Не сказал ни Милюков, ни Керенский, ни Колчак, ни Деникин, ни Власов, ни даже Жиденков. И это вовсе не потому, чтобы они не знали “настроения масс”, а просто и прозаически потому, что “мы все глядим в Наполеоны”. И если в наполеоновской армии “каждый солдат носил в своем ранце маршалский жезл”, то почему каждый маршал не мог возить в своем обзеве королевской короны? И — почему — в страшной и трагической истории нашей гражданской войны мы не вправе предположить, что из ста спасителей России все сто “глядели в Наполеоны”.

Тридцать один год тому назад рухнула “подточенная червями” (выражение У. Черчилля) русская монархия. Тридцать один год у нас не выходило ничего... Правящий слой России, воплощенный в Милюкове и в Ленине — но также в Корнилове и Деникине, всячески пытался “обойтись без Царя”, вот мы все и “обходимся”. Я очень хорошо понимаю, что Милюков и Ленин, Корнилов и Деникин, размешенные в одной фразе, вызовут возмущение очень многих невинных душ. Но факт остается фактом. Для одних героем является Милюков, для других героем является Корнилов. Лично я ко всем героям настроен весьма скептически — начиная с Кузьмы Крючкова и кончая товарищем Байдалаковым. Нам нужен не герой. Нам нужен Ц а р ь.

—оОо—

В 1917 году Монархия была взорвана не столько столетней научной работой нашей революционной интеллигенции (научная работа до масс все равно не доходила) — сколько гениальным изобретением профессора Милюкова — “глубость или измена” — царь — пьяница, а царлица — шпионка. Для деклассированной сволочи, наполнявшей в эти годы Санкт-Петербург, это было находкой.

Деклассированная сволочь этой находкой воспользовалась власть — Милюков до Паряда, остальная сволочь до остальных мест. Теперь в несколько смягченном варианте повторяется история осени 1916 и весны 1917 года. Я, разумеется, не буду повторять обвинения против Великому Князю и Великому Князине: русский суд судил за оскорбление Величества, но не обсуждал оскорбления Величества по существу.

Те люди 1948 года, которые капают дегтем на имя Главы Династии, повторяют тот же прием, которым с таким сомнительным блеском воспользовались люди 1917 года, капавшие серной кислотой на осевую опору русского государственного бытия: на доброе имя Главы Династии. Мы, может быть, хоть сейчас, в 1949 году вспомним, что именно говорили все эти люди о Павле-Сумасшедшем и Николае-Палкине, об Александре-Алкоголике и Николае-Кровавом и о тех будущих гениях, которые будут “избраны” взамен всех этих реакционеров. Была избрана Государственная Дума. Была избрана Учредительная Дума. Был избранником Милюков. Был избранником Ленин. Был избранником Деникин и был избранником Врангель. Давайте уж кошунствовать до конца: отношения между коммунистическими и а с ледниками Царского Трона — Сталиным и Троцким не очень уж сильно отличались от взаимоотношений между белыми наследниками того же трона — Деникиным и Врангелем. Конечно, высылка Врангеля из Крыма была обстоятельна приличнее, чем высылка Троцкого в Алма-Ату, но суть отношений оставалась все той же: борьба за власть. Сущность эмигрантских “склок” сводится опять к тому же: к борьбе за власть, — в данном случае совершенно прозрачную. Одних военных организаций — однако “непредрешенческих”, оди наково жертвенных, одинаково восклицательных и одинаково битых у нас есть пять штук. Можно создать еще и шестую. Дальше что?

Россия за одиннадцать веков своего бытия перепробовала все: республики буржуазные (Новгород), республики демократические (Керещица) и даже республики разбойные (Запорожье). У нас были монархии наемные, ограниченные, у нас были монархии почти неограниченные. Ни из чего, кроме самодержавной монархии у всех нас за все наши одиннадцать веков ничего не вышло. Если бы в политике существовала какая бы то ни была логика, то господ политиков можно было бы спросить: какие есть шансы за то, что на двенадцатом веку нашей государственной жизни может выйти хоть что-нибудь очаровательное, высосанное из ваших очаровательных пальчиков? Были — после Николая Второго — Милюков и Маклаков — так сказать Пат и Паташон нашей революции. Потом были Керенский и Церетелли — так сказать Дон Кихот и Санчо Панчо той же революции. Потом были Сталин и Троцкий — два Каина той же революции. Были Деникин и Врангель — ну, я уж не буду заниматься литературными сравнениями. Как вы думаете — что, кроме Самодержавия, может у нас выйти после одиннадцати веков истории и после тридцати лет эмиграции?

Я никак не думаю, чтобы я был глупее АДНОР и не мог бы в течение, скажем, минут пятнадцати выдумать

еще более потрясающую программу спасения России, чем, например, та, которая изложена в программе 14 июня 1947 года или в 14 пунктах 14 ноября 1944 года. Все это совершенно замечательные программы. Они обладают только одним — одним единственным недостатком: они слишком длинные. Все их можно было бы изложить гораздо короче: “чтобы всем жилось весело, вольготно на Руси” — больше в этих программах нет, собственно, и ничего. Но нет никакого вразумительного ответа на основной вопрос: а кто и что будет гарантией нашей веселой и вольготной жизни на Руси? Новая Государственная Дума, которая нам гарантировала патриотическую победу над Германией? Новое Временное Правительство, которое столь же категорически нам же гарантировало демократическую победу над той же Германией? Новая Учредительная Дума, которая если ничего и не гарантировала, так только потому, что не успела даже и искинуть? Новые Ленины, которые нам же гарантировали мировую революцию? Или новые Деникины, которые нам гарантировали “восемнадцать корниловских переходов”? Или новые Александры Первые или Николаи Вторые, которые никогда и ничего не гарантировали и никогда и ничего не обещали и которые в 1812 и в 1914 году говорили — в разных редакциях одно и то же: “отпустишь бороду и уйдешь в Сибирь, но не подпишу позора моих верных подданных” и не подписали. Какой шанс имеется у нас, у эмиграции, как-то переумудрить одиннадцать веков нашей истории и вместо самодержавия сконструировать какую-то комбинацию из рассыпанных букв типографского набора? Или из научных сосцов какого-нибудь приват-доцента Левицкого? Или из наполеоновских вожделиний какого-нибудь генерала? Или из комбинаций какого-то нового центра?

—оОо—

Монархия имеет свои преимущества. Монархия имеет и свои недостатки. Монархия есть наиболее сложная форма правления. Учинить республику можно в любой момент на любой территории и под любым климатом. И под руководством более или менее любого профессора — вот вроде нашего Милюкова или немецкого Прайса. Что из нее выйдет — это уж совсем другой вопрос. Организовать монархию путем профессорского изобретения — невозможно совершенно. Монархия есть явление органическое. Для ее роста требуются века. Можно разрушить дом и из его кирпичей построить новый. Но невозможно срубить дуб и из его щепок вырастить новый. Одна из несознательно монархических книг — “Таинственный Остров” Жюль Верна — рисует сообщество людей, построенное, собственно на принципе монархии — мэра Саймона. Считаю, никто не выиграл. Он был, собственно, монархом. И когда один из его сотоварищей нашел в подкладке своего пальто пшеничное зерно — грязное, старое, но е д и н с т в е н н о е — то все поняли: если это зерно не взойдет, то быть без хлеба. Великий Князь Владимир Кириллович есть единственное зерно нашего органического роста. Если это зерно будет затоптано безответственными разговорами о “морганатическом браке” — то нам придется потерять еще миллионы пятьдесят, а то и сто русских жиз-

ней. Наши недоумки представляют себе вещи "совсем наоборот" — они предполагают, что Россия больше нужна династии, чем Династия — России. С момента эмиграции никто из Династии не умер с голода и не был расстрелян. С той же даты — не меньше пятидесяти миллионов русских людей были уморены или расстреляны. Мне, Ивану Лукьяновичу — Россия нужна до зарезу. Россия — Иван Лукьянович никак не нужен, — Россия уж как-то обойдется и без меня. Династия без России как-то обходится. А — как "обходится" Россия без Династии?

К теориям и разговорам о советской агентуре в эмиграции я отношусь чрезвычайно скептически. У меня нет абсолютно никаких оснований упрекать в "указке Кремля" ни социалистов, ни солидаристов, ни АВВХЦЖЩ и ХЩВХВВА. Все эти разговоры есть вздор. И вздорные люди, не умеющие отстоять своих позиций, не находят более умного приема полемики, как обвинение людей на этих позициях не стоящих — в агентуре НКВД. Те люди, которые шлют в нашу редакцию письма о морганатическом браке Великого Князя, конечно, ни с какой стороны агентами НКВД не являются. Но они делают как раз то дело, которое нужно НКВД: они капают серной кислотой на то пшеничное зерно, которое истинным чудом уцелело в нашем всеобщем крушении. Зачем они это делают?

—00—

Еще и еще раз: вне восстановления хотя бы самых основных принципов самодержавия у нас в эмиграции не выйдет и ч е г о. У нас, в России, тоже не выйдет и ч е г о. Без Великого Князя Владимира Кирилловича ни в эмиграции, ни в России не выйдет ничего. У нас обяза-

тельно появится: десять генералов, пятнадцать фюреров, двадцать пять философий и полтора Уляевых — до тех пор, пока из этой калиты — нами уже не один раз пережитой — не появится — то ли Кузьма Минин, то ли Иосиф Сталин. Всякий человек, как бы то ни было, и что бы то ни было соображающий о русской истории, должен уловить разницу между Мининим и Сталиным: Минин сделал свое дело и вернулся к своим делам — как сделали и те тягловые мужички, которые покосились со всеми эмигрантскими склоками в начале 17 века. Но с начала 17 века мы в умственном отношении упали катастрофически: тогда искали юридических натяжек для утверждения весьма спорных прав о престолонаследии, — сейчас люди ищут юридических натяжек для того, чтобы подорвать бесспорные права. Кому это нужно? Какие т е м н ы е инстинкты говорят устами тех людей, которые — являясь монархистами — повторяют приемы Семьбоярщины?

Эти люди упрекают: Высший Монархический Совет в разных вещах — в большинстве случаев правильно. Они упрекают "Нашу Страну" — в большинстве случаев тоже правильно. Они упрекают Великого Князя — во всех случаях совершенно неправильно. По этому поводу позвольте мне перейти к соображениям

ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА.

Я хочу еще раз сослаться на мою предыдущую бестактность по адресу Династии. И только для того, чтобы, так сказать, документально продемонстрировать: на роль лукавого царедворца я не претендую никак. Не принято неудобно, не полагается выступать в роли оценщика личных качеств Главы Династии. Когда я выступал против младоросской партии

— о личных качествах Главы Династии я не говорил ничего. Тогда я не учитывал факта чудовищного одиночества Династии в окружении, извините за выражение, монархически настроенной эмиграции, эмиграции, которая пропивала миллионы и среди которой — опять же извините за выражение — для Династии не было и ч е г о. Младоросская партия не есть вина Династии — это есть вина эмиграции. Династию оставили в пустоте молебнов и панихид — и Династия поверила товарищу Казем-Беку. Товарищ Казем-Бек, как и товарищ Байдалаков, не дали никаких оснований считать их советской агентурой и само собой разумеется, что рядовые члены младоросской и солдариетской партий ни в какой степени не являются орудиями этой агентуры. Однако, обе эти партии о б ъ е к т и в н о работали и работают на советскую власть. Я не могу себе представить, чтобы товарищам или мадам-товарищ Кускова в какой бы то ни было степени или в какой бы то ни было форме взяла бы какую бы то ни было взятку от советской власти: товарищ, спа же мадам Кускова все-таки не Бунин. Иван Бунин тоже не есть советская агентура: какая там агентура, тут просто деньги на бочку.

Это утверждение пахнет, конечно, наглостью. Позвольте мне повернуть эту, скажем, бесцеремонность с несколько другой стороны.

Осенью 1941 года я сидел в ссылке в Померании. Я знал, что готовит Германия нашей стране. Я по ночам, под одеялом, ловил радио на всех доступных мне языках: поймет или не поймет мой тезка, о чем, собственно, идет речь? Советские радио были сдержанны, союзные были сочувственны, немецкие были торжественны: окружения, прорывы, пленные и прочее и прочее. Я сиджал в некоторых местах земного шара в ожидании смертного приговора. В Померании я сидел под одеялом тоже в ожидании смертного приговора — что будет, если Иваны НЕ догадаются?

И с таким чувством я пробрался в Берлин, чтобы узнать от ген. В. В. Бискупского о том, что делает Глава Династии.

В наши страшные и трагические дни — дни, которые еще не кончены, — не будем замазывать елеем некоторых довольно очевидных вещей. К числу таких очевидных вещей принадлежит тот факт, что Великий Князь моложе моего сына, что Россия вообще не видел и что мой жизненный и политический опыт никак не соизмерим с жизненным и политическим опытом Великого Князя. Что было бы, если бы в эти страшные дни Великий Князь совершил бы хоть одну ошибку? И имя русской монархии стало бы как-то рядом с именами Краснова и Власова, Розенберга и Гимmlера? Что было бы тогда? Тогда была бы катастрофа на века. А, может быть, был бы и вообще конец: "пшеничное зерно" было бы окончательно потеряно. Оно не потеряно — вероятно, тем инстинктом Великого Князя, который дается чувством огромной исторической ответственности. Чего хотят люди, подрывающие это чувство ответственности с двух сторон — со стороны нас и со стороны Династии?

В каком-то — чисто православном аспекте — я с Великим Князем равноправен вполне: все мы перед Господом меньше, чем песчинки. Все мы подчинены одной и той же Церкви. Разница заключается только в фамилии — без Солоневичей Россия обойдется, без Романовых — это будет очень трудно. При "вождях" Россия рискует потерять еще сто миллионов людей. При Романовых она имеет шансы стать во главе мира, как это было в 1814 году. Люди, которые как бы то ни было, по каким бы то ни было генеалогическим, юридическим или даже националистическим соображениям пытаются подорвать нашу Династию — роют могилу и России и себе. Этим делом наша просвещенная интеллигенция занималась лет полтора подряд. Может быть, хватит?

Настоятельно просим наших представителей и подписчиков, проживающих в САСШ, пересылать подписную плату за газеты и все суммы, причитающиеся редакции, **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** по адресу:

Mrs. Marina Kingstone
11, Wolfe Ave. San Rafael, Calif.

Люди и цифры

Они несхожи, как Дон-Кихот и Санчо-Панчо, и, вместе с тем, они столь же неразрывно, хотя по разному, идут по одной дороге, к одной и той же вырисовывающейся в ее конце цели.

Эта дорога — тернистый, порою запутанный, извилистый путь развития российского национального самосознания. Цель — будущая Россия, Императорская, надсословная, надпартийная, наднациональная.

Старшего зовут Александр Иванович. Ему 32 года. Он донецкий шахтер, сын полукрестьянина-полушахтера, каких много в Донбассе и, вместе с тем, он явление довольно редкое среди подсоветской молодежи: в Европу он попал абсолютно неграмотным и писать по-русски научился уже здесь, в Италии.

—Так это получилось, — рассказывает сам Александр Иванович, — отец очень религиозный был. Не пускал в советскую школу, а потом, когда в Красную армию забрали, сам я не захотел учиться: всех нас в комсомол загоняли, а у меня один был ответ: "темный я, неграмотный, не могу науку освоить"... Ну, покрутит-ся политрук и оставит в покое.

А науки хотелось. Только не той, которую вдалбливали на политзанятиях, а правдошной, за которой бежал когда-то по заснеженной тундре крестьянский сын Михайло Ломоносов.

В остальном подсоветская жизнь Александра Ивановича текла, как обычно. В разруху отец ушел из опустошенной шахты и сел на землю. При НЭП-е оброс кое-каким хозяйством. В 1930-м обобрали до нитки.

Долбят уголь отец и сын, и крепнет в их тугих, корявых мозгах поиск — стремление к какой-то правде, а где она — неизвестно. Кругом одна фальшь.

Это-то стремление и толкнуло Александра Ивановича перебежать к немцам, поверив пропагандной листовке. Потом — пестрая, ухабистая кинолента: концлагерь, власовцы, казачьи формирования, Германия, Франция, Хорватия... Наконец, финал: казачий корпус фон-Панвица, разоруженный, окруженный американскими танками, передается ликующим советчикам.

Что же? Если и удастся спастись от петли, так снова туда, в мир лжи и насилия? Нет!...

—Растерялись все... — рассказывает Александр Иванович, — а сбoku канава глубокая, за ней — лес. Я, будто оправиться, — в канаву... по ней ползком до леса... отсиделись до ночи и пошел!

Пошел, как птицы летают, лесами, горами, выпрашивая картошку у "бауров", прячась от одетых в хаки. Путем сильных и смелых. И дошел до Рима, куда, говорят, ведут все дороги. Здесь приютили. Старый библиотекарь "Русского собрания" дал книжку, простенькую, затрепанную, старую: "Рассказы из русской истории". Александр Иванович прочел ее по складам... еще раз прочел, и встал перед ним великие и могучие, одиннадцать веков русской правды, от "иду на вы" Святослава до "осени себя крестным знаменем, православный русский народ" — святых слов Царя-Освободителя.

—Вот, она — правда! Значит, к ней! Только к ней! Иной нет.

Его друг, Володя, полная противоположность красавцу-богатырю Александру Ивановичу. Он тщедушен, подслеповат, но его бесцветные, мышиные глазки остро сверлят новый, неведомый мир. В прошлом Володя — активный советский рабкор. Он антипод прямодушного напористого

Александра Ивановича не только по внешности, но и по стилю действий. Если первый прорывался сквозь тьму к неведомому, но страстно желанному свету, то второй осторожно, с опаской выглядывал из нее, нюхал, щупал... и пришел к тому же. Он тоже побывал во всяких переделках и из всех вышел по-мышинному. Он циник и реалист.

—Немцы обманули на базе своих интересов человеконенавистнического нацизма... Ясно-понятно, сволочь. Демократия — сплошная гниль. Высокие лозунги гуманизма, а между прочим, сержант часы у меня слизнул, и берут взятки не хуже наших прорабов... сплошной блат. Назад? Нет, извиняюсь, конъюнктура советской действительности знакома целиком и полностью. Расценивая все "за" и "против", прихожу к выводу: монархия — единственная форма, обеспечивающая развитие личности... как я, будучи в Греции, убедился, а "черный ворон" надоед...

В их компании был и третий — Василь. Теперь он уже в Аргентине. К высоким материям Василь не был склонен, но твердо помнил одно: у отца был хутор, три пары волов, да две коней. У него, Василя, — ничего. Все съела проклятая власть и

По стопам 1613-го года

Та “торжественная записка”, текст которой публикуется в этом номере “Нашей Страны”, есть результат:

- а) довольно длительных предварительных переговоров, и
- б) горького опыта многих лет.

Длительность переговоров была вызвана только расстоянием. На мое письмо П. В. Скаржинскому, председателю Высшего Монархического Совета, отправленное из Буэнос-Айреса 12 декабря пр. года — ответ пришел только на-днях. Часть его будет помещена в следующем номере. П. В. Скаржинский информировал представителя ВМС на Аргентину полк. И. В. Федотьева о нашей договоренности на все сто процентов, но, повидимому, ВМС сейчас переживает какой-то кризис, связанный с уходом ген. Свищева и Н. Чухнова из состава ВМС. Об этом кризисе я, несмотря на ряд писем и корреспонденций, не имею никакого собственного мнения, но, конечно, самый факт кризиса не является очень уж блестящим предзнаменованием. Ответ главы Имперского Союза Н. К. Глобачева помещается полностью. В предложениях Н. К. Глобачева я не согласился бы только с одним: с термином “федерация”. Это как-то напоминает “федеративную республику”, “самоопределение вплоть до отделения” и прочее в этом роде. Наше собрание состоялось на термине “Государево Служилое Земство”, понимая под земством то, что под земством понималось в Московской Руси: местное самоуправление, бывшее в те времена опорой самодержавия, а не его конкурентом. Прилагательное “государево” и “служилое” должно подчеркнуть разницу между земством эпохи Кузьмы Минина и земством эпохи Федора Родичева.

Как видно из “записи”, наше “Земство” построено на принципе разделения работы, а не распределения чинов. И этот принцип, конечно, еще не гарантирует нас от кризисов, —

но, повидимому, мы все-таки обойдемся без них. Е с л и нам это

удастся, то собрание 12 февраля 1949 года, быть может, будет впоследствии отмечено историками так, как была отмечена Стокгольмская конференция Российской Социал-

демократической рабочей партии.

Оценивая шансы в пользу эмигрантского единения, мы, может быть, должны были бы учесть некоторые уроки многострадальной истории: на стокгольмской конференции РСДРП В. Ленин расколол эту партию по вопросу, который тогда, вероятно, казался пустяковым: по вопросу о “профессиональных революционерах”. В. Ленин не искал “единого фронта” ни с социалистами-революционерами, ни с трудовыми социалистами, ни с конституционными демократами — как впоследствии ученики Ленина — Б. Муссолини и А. Гитлер никак не занимались никакими “коалициями” — они шли напролом. Они знали, чего они хотят, и они предпочли не рисковать “союзниками”, которые в какой-то решающий момент подведут и предадут. В тяжелой истории нашей гражданской войны на антисоветской стороне выступали довольно пестрые коалиции — от анархистов до монархистов — и во всех этих коалициях каждая участвующая партия старалась всячески подставить ножку каждой из своих соседок. На советской стороне было много преимуществ. И в частности было преимущество единства воли, цели и методов. Сейчас СССР безмерно более слабый, чем остальной демократический мир, имеет возможность кидать этому остальному миру вызов за вызовом, — базируясь, собственно, только на одном: на единстве воли, противопоставленном раздробленности остального мира.

Было бы очень печально, если бы эти соображения были бы поняты, как призыв к повторению политических линий Ленина, Муссолини и Гитлера. Мы, монархисты, начисто отрицаем какой бы то ни было намек на тоталитарный режим, но мы, монархисты, отдаем себе достаточно ясный отчет в том, что нас и “левых” разделяет глубинная и ничем не заполнимая пропасть р е л и г и о з н о г о порядка. И если экономическая программа ВМС и РСДРП не-

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ

Буэнос-Айрес, 12 февраля 1949 года

Мы, нижеперечисленные представители монархических организаций российской эмиграции: а) Высшего Монархического Совета, б) Российского Имперского Союза и в) Народно-Имперского Штаб-капитанского Движения даем перед лицом Православной Церкви, Династии и России торжественное обещание в том, что мы направим все наши силы и все наши усилия для борьбы с коммунизмом и для восстановления тысячелетнего Российского Престола. И что при этом мы обязуемся сочетать свои действия для достижения этих целей вне какой бы то ни было зависимости от принадлежности нашей к какой бы то ни было партии и от личного положения в рядах этих партий.

Объединяя нашу деятельность в пользу восстановления Российского Престола мы ставим своей ближайшей задачей распределение наших прав и обязанностей только и исключительно в зависимости от деловых потребностей нашей работы. В данный момент, в самом начале этой объединительной деятельности, эта работа распределяется следующим образом.

Председатель Объединения: Полковник И. В. Федотьев,

Секретарь: В. К. Дубровский,

Уполномоченный по связи с местными аргентинскими

властями: Н. И. Сахновский,

Уполномоченный по связи с военными организациями:

И. И. Значковский,

Уполномоченный по связи с Церковью: Б. Н. Ряснянский,

Уполномоченный по связи с организациями молодежи:

Н. Н. Воейнов,

Редактор “Нашей Страны” и уполномоченный по издательству:

И. Л. Солоневич,

Уполномоченный по финансовой части: Инженер А. Я. Селезнев,

Уполномоченный по связи с иностранными кругами:

Н. И. Мазараний,

Уполномоченный по связи с новой эмиграцией: Млад. Лейтенант

Д. С. Вознесенский.

Это Объединение присваивает себе название “ГОСУДАРЕВО СЛУЖИЛОЕ ЗЕМСТВО НА ТЕРРИТОРИИ АРГЕНТИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ”. Вышеуказанные лица составляют Совет Старшин этого Земства, и этому Совету принадлежат судебные функции по всем внутренним вопросам, могущим возникнуть в этом Объединении.

ПОДЛИННОЕ ПОДПИСАЛИ:

От Высшего Монархического Совета: Полковник И. В. Федотьев.

От Российского Имперского Союза: Н. И. Сахновский.

От Народно-Имперского Штаб-капитанского Движения:

И. Л. Солоневич.

еще отцом закусила, хай ей бис! В июле 41-го пришли немцы и стали легко раздавать пустующую совхозную землю. Василь не дремал, изловил пару беспризорных коней разбежавшейся пожарной команды, добыл плуг и к осени засеял три гектара озимых. Завелась свинка, овечки... весной засеял еще три и огород развел, нанял работника из беглых военнопленных, осенью немцы премировали его коровой и назначили старостой. Зажил Василь! Но не долго длилось счастье — фронт покатился назад. Плакал Василь, расставаясь с несжатою нивой, однако, успел распродать всю худобу и даже из кабака чужой колбас наделать. Выскакивал уже под обстрелом советских танков... но по-хозяйски “гудудованные” беспризорники выручили и довели до Триеста. Греха таить нечего: при капитуляции хорошо попользовался Василь из разбитых немецких складов.

—Усы брали, а я что-ж, смотреть буду?

В Аргентину Василь уехал, похрустывая зашитыми в полу долларами, и теперь у него там своя ферма.

—Только то до поры. Буде время, вернусь на Украину, бо вона — маты, а царь усем батька. Вни единоличный и наследственный, и мини бу-

да гарно, единоличному и наследственному, и сынам моим... а то чертяка дьяволюку з миста скидае и мене з миста... геть, як батько мого...

По воскресеньям в нашу лагерную церковь приходит Мурочка. Самая обыкновенная “Мурочка”, какими полны все советские учреждения. В прошлом комсомолка. Попала в “остовки” и там состояла членом подпольной комячейки. Влюбилась в черноокого Джузеппе, и в бараке записал новоявленный Иван Джузеппович. Пришлось крестить, и Мура в первый раз попала в церковь. Понравилось. Стала петь в церковном хоре и однажды там в годовщину последней трагедии Императора-отца и Императрицы-матери узнала подробности гибели Их и Последника.

Материнский всеильный инстинкт полон непонятных нам, мужчинам, ассоциаций. В хаосе капитуляции исчез черноокий Джузеппе, а Ванечка остался и играет сейчас камешками на берегу Неаполитанского залива. Мурочка стала Марьей Семеновой и по вечерам в гудящем на все лады бараке укачивает Ванечку мечто-сказкой... Сказкой ли?

—Спи, спи, родименький! Вырастешь большой, вернешься в Россию... Там царь тогда будет, добрый, справедливыи... Он Ванечке конфетку

даст, золотой мундирчик даст... Будет Ванечка офицериком... будет у Ванечки маслице... и никого-то мы бояться не будем!

Где и как вы растеряли ваши истматы, драматы и прочие советские маты, бывшая комсомолка, Марья Семеновна?

Они идут разными путями, с различных отправных пунктов, но к одной цели, к одному знамени.

0000000

Статистика бывает порой очень опасна для тех, кто ею увлекается. Вот, например, солидаристский еженедельник “Посев” решил показать всей русской оппозиции, что именно им, солидаристам, принадлежит монополия быть “властителями душ” русской молодежи и по эту и по ту сторону. Выпутили специальный толковый и обстоятельный опросный лист, и оказалось, что среди активистов этого журнала, можно сказать, среди гвардии НТС — 38,5% монархистов, а, если добавить к ним 12,5% колеблющихся еще непредрепешенцев, то получится большинство 51%.

—Вот тебе, бабушка, и “февраль”! — от которого, как известно, танцуют российские солидаристы и ко-

торый, как еще более известно, был самым позорным моментом русской истории, маразмом русской интеллигенции всех видов и оттенков, начавшимся “бабьим бунтом” и окончившимся бабьей юбкой Керенского, протекавшим под единственным антироссийским, антигосударственным лозунгом “долой Самодержавие”!

Далее цифры “Посева” говорят об еще более ярком факте. Оказывается, что самую значительную группу среди этих монархистов “Посева” составляют эмигранты старше 45 лет, то есть, хорошо помнящие “проклятый царизм”, а вторую, близкую к ним по числу — молодежь новой эмиграции, то есть, знающие монархию “от обратного”, какой старался ее изобразить большевизм, и, наконец, далеко позади — небольшие группы молодежи старой эмиграции, именно сами г.г. солидаристы.

Что же получается от сложения цифр “Посева” с живыми людьми, которых каждый, умеющий видеть, может не только осмотреть, но и опутать. Получается сумма вполне определенных выводов.

Во-первых, монархизм есть не особая, отдельная политическая партия, но мощное всероссийское духовное движение, самосознание себя вели-

чем друг от друга по существу не отличается, то за обеими ими лягут разногласия неизмеримо более глубокие, чем "недра и промыслы", — разногласия по вопросу о том, будет ли у нас "Святая Русь" или марксистская федерация. Если бы нам и удалось по кое-каким техническим вопросам договориться с РСДРП, — что все-таки не исключается, — то в дальнейшем обе стороны были бы заняты поисками "ножа", предназначенного для наших взаимных "спин". Какая-то временная координация сил, вероятно, была бы возможна. Но союз между царистами и царевичами есть вещь все-таки утопическая.

Монархическое движение зарубежья — при всех его кризисах и неудачах, переживает все-таки огромный подъем. Или, точнее, начался подъем. Основная причина этого подъема заключается в том истинно потрясающем для нашей профессуры открытии, что основная масса русского народа, как была, так и осталась монархической. И что те красные командиры, которые в 1945 году считали монархию чем-то вроде диплода — в 1948 году пришли, по меньшей мере, к тому убеждению, что без монархии "все равно ничего не выйдет". Эти красные командиры ввели новую жизнь в монархическое движение зарубежья. И, как бы ни расценивать кризис в ВМС в Мюнхене — нельзя сбросить со счетов того факта, что Союз Андреевского Флага — наследник власовской армии — сейчас, в 1949 году, стал организацией монархической. Если бы генерал А. А. Власов дожид до сегодняшнего дня, то он, вероятно, к искреннему собственному изумлению, оказался бы во главе монархической армии зарубежья. Поворот Российского Обще-Воинского Союза от "непредрешенчества" к монархизму объясняется все тем же: давлением командиров, которые казались красными и оказались просто русскими.

оооОооо

ким многонациональным народом, вмещающее в себя многие (увы!) политические партии, вплоть до самих г. г. солидаристов.

Во-вторых, монархизм есть течение прогрессивное, устремленное в будущее, ибо оно стремится не сохранять существующий в России строй и не реставрировать пожелтевшие фотографии "дней былых", но ищет форм будущей жизни России. Об этом свидетельствует большой процент монархической молодежи, пришедшей "оттуда".

В-третьих, монархизм, еще не осознанный, не оформленный в интеллект масс, но активно живущий уже в них — несомненно главная форма и главная движущая сила "там", как реакция на все "достижения революции". Это так, вопреки всем авторитетным утверждениям маститых февральских деятелей из лондонских и парижских кабинетов.

В-четвертых, монархизм имеет все шансы стать стержнем воссоздания освобожденной России, — а это когда-нибудь будет, — при абсолютном и вполне обоснованном разочаровании российских народов во всех остальных формах организации государства (социалистов — 0,75% по анкете "Посева"), и, наконец, из всего этого —

С 1917 года и по сей день мы, кроме поражений, не переживали ничего. Если бы в мелькании наших бесконечных судеб у нас было бы время взять в руки самый элементарный курс русской истории и была бы возможность о нем подумать, то мы увидели бы, что без монархии у нас никогда ничего не получалось — кроме поражений. Если бы мы вдумались в историю нашей антисоветской борьбы, то и тут мы увидели бы решительно все то, что сейчас видим своими глазами: десятки вождей, из которых каждый поровит "спасти Россию" и на этом славном пути поровит подставить ножку каждому соседнему кандидату в спасителя. С того момента, когда, в феврале 1917 года, монархию и династию продал и предал весь или почти весь правящий слой страны — до сегодняшнего дня, когда этот правящий слой служит панихиды, но не хочет служить Монархии — мы, вот, и кувиркаемся от Волги до Ла-Платы. Ни в 1917 ни в 1949 году мы не догадывались сделать самого простого: стать стеной у Трона. В 1949 году это гораздо труднее, чем это было в 1917.

Мать Михаила Феодоровича, инокиня Марфа, не желала пускать своего сына на Московский Престол. И свой отказ аргументировала так: "русские люди и з м а л о д у ш е с т в о в а л и с ь". Этот отказ когда-то казался нам — и мне в том числе — чем-то вроде формулы официального лицемерия: пусть, де, еще попросят. Сейчас — не кажется.

В 1917 году правящий, ведущий, образованный, культурный и прочее слой населения Империи Российской — предал монархию. В течение этих 32 лет не было в сущности сделано ни одной попытки дать Династии какую-то точку опоры. Все были вежливы, все были почтительны, все ходили на панихиды и никто ничем не помог. Тон был таков: "да, конечно, Династия имеет огромные заслуги перед Россией — но нельзя ли обойтись и без нее?" Вот — обходимся...

В-пятых, если монархизм выжил и занял уже столь значительное место в сознании народов России, после 30 лет направленной против него "работы" большевиков и 100 лет такой же "работы" русской интеллигенции, если он не только живет, но развивается без сколько-либо значительной разъяснительной работы самих монархистов (это так! Сознаться надо), то на что же он может рассчитывать в будущем, при правдивом свободном его освещении?

Отбросив личную интуитивную уверенность в его конечном торжестве и взглянув на окружающее объективно, мы должны признать активизацию монархического движения реальным фактом и по нашу, и по ту сторону. Все же иные устремления — иллюзии тех, кто хочет видеть "розовые сны".

Алексей Алымов

Г а з е т а

"НАША СТРАНА" в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — Облигадо 2150; в книжном магазине бр. Лашевич, ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Вианте и Леандро Алем и Сармиентос. Цена отдельного номера — 1 пезо.

...Основная мысль, положенная в основу нашего "Земства", сводится к следующему. Не Династия нам должна что-то доказывать и нас в чем-то уверять, а Мы должны доказать Династии, что мы не окончательно "измалодушествовались", что "борьба самолюбий" и прочего в этом роде еще не угасла в нас того штабс-капитанского духа, во имя которого Максима Максимовичи и прочие делали свое дело и лили свою кровь безо всякой оглядки на самолюбие. Мы ничего не можем требовать от Династии. И — что безмерно хуже — мы ничего не можем ей предложить.

Обдумывая техническую сторону нашего "Земства", я написал три письма Великому Князю Владимиру Кирилловичу и не послал ни одного из них. Об этих письмах мы здесь вели довольно длительные споры и победила следующая точка зрения.

Великий Князь Владимир Кириллович, получив письмо о нашем "Земстве", мог бы это Земство или одобрить или не одобрить. Неодобрение означало бы холодный душ. А что означало бы одобрение?

Иван Лукьянович имеет в эмиграции репутацию "скандалиста" — заслуженную или незаслуженную — это уже другой вопрос. Какие могут быть гарантии в том, что Иван Лукьянович не воспользуется одобрением Великого Князя для каких-то собственных махинаций? Или, — иначе — какие гарантии могут быть в том, что наше "Земство", начав с объединительных объятий и деклараций, не расколется через две недели, и что одобрение Великого Князя окажется данным в пустую? Или — что Великий Князь по какому бы то ни было поводу попытается опереться на наше "Земство" и вот в этот-то самый момент окажется, что опираться, собственно, не на что: вместо опоры, окажется слизь?

оооОооо

Никакой уверенности у Великого Князя быть не может. И мы не имеем никакого права подвергать Великого Князя риску очередного просчета. Давайте попытаемся вспомнить позорные дни февраля, самые позорные дни всей русской истории, когда Государь Император обнаружил свой трагический просчет: считал, что уж, хотя бы генералы окажутся верными присяге... Генералы... оказались...

Мы сейчас, в 1949 году, обязаны повторить технику 1613-го. Воссоздать монархию с н и з у. Собрать какую-то там "пятую денгю" — (заклад жен и детей в современных банковских условиях мало рентабелен) — работать и строить. Если нам здесь, в Буэнос-Айресе, удастся построить хотя бы половину того, что мы наметили, и убедить Династию в том, что на собрании 12 февраля не участвовало ни одного вождя и ни одного шарлатана, что мы есть и а с т о я щ и е монархисты, что мы есть настоящие штабс-капитаны — по Пушкину, Лермонтову и Толстому, а — не по партийной принадлежности, и даже не по табели о рангах, — тогда и т о л ь к о тогда мы будем иметь нравственное право притти к Династии и п р о с и т ь о том, чтобы Она нас возглавила. И чтобы Она нам приказывала. И я, так сказать, профессиональный скандалист, буду эти п р и к а з ы исполнять безо всякого "рассуждения". Полтора Абрамовича этой психологии не поймут никогда. Для полтора миллиона Иванов эта психология является само собой разумеющейся. Даже и для тех Ива-

НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, БЕЛЬГИИ И АНГЛИИ просим вносить плату за газету и направлять все денежные поступления исключительно нашим представителям на местах:

ВО ФРАНЦИИ —

Mr. Alexandr Krivocheeff,
Libr. "Kama",
27 rue de Villiers
Neully s/Seine Seine

В ГЕРМАНИИ —

Hr. Fedor Seuberlich,
Wolfsburg, Kr. Gifhorn,
Postfach 63

В БЕЛЬГИИ —

Mr. Iwan Slobodjanik,
50 rue de Garennes
Bruxelles, Boitsfort

В АНГЛИИ —

Mr. Vladimir Baratchewsky,
26 Tottenhamstr., London W. 1
сообщая одновременно Редакции о сделанных взносах.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1949-Й ГОД
НА ДУХОВНЫЙ ЦЕРКОВНО ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
"ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ"**

Год издания 20-ый

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

1. "ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ" раскрывает своим читателям в популярной форме основные истины нашей православной веры.
2. "ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ" повествует постоянно о Церкви Православной, как о жизни Божественной.
3. "ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ" борется за единство церковное и за чистоту исповедания православной веры против ереси, расколов и церковного самочиния.
4. "ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ" предают гласности ценнейшие подлинные материалы о борьбе за веру в СССР и о современных мучениках и исповедниках русских.
5. "ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ" имеет большой отдел хроники церковной жизни Зарубежья и Северной Америки.
6. "ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ" имеет собственных корреспондентов во всех крупных местах Русского Зарубежья.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА в год в СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ и в странах с высокой валютой — \$ 4; в Европе, в Аргентине и в странах с низкой валютой — \$ 3, обыкновенной почтой.

Можно подписываться и на полгода: в Сев. Америке за — \$ 2,25, а в Европе за — \$ 1,75.

Корреспонденцию и подписную плату следует направлять по адресу:

**HOLY TRINITY MONASTERY,
Jordanville, N. Y. U. S. A.**

нов, которые выросли под отеческим покровом карломарловой бороды.

0000000

Мы должны как-то повторить, — в безмерно более тяжелых условиях, — опыт ликвидации Смутного Времени — как-то устранить нашу Семибоярщину, пытающуюся заменить собой Царя Московского Православного, и строить нашу Монархию с нуля. 1613 год был самой блестящей контрреволюцией всех времен и всех народов, более блестящей, чем английская контрреволюция 1648 года. Не нужно думать, что политические методы Павла Миллюкова были более разумны, чем политические методы Кузьмы Минина. Нужно только вспомнить, что было через тридцать лет после Кузьмы Минина, мясника и “спекулянта”, и что происходит через тридцать лет после Павла Миллюкова — профессора и “деятели”. Не нужно думать, что нам от наших предков 1613 года учиться нечему. Не нужно думать, что мы умнее их — мы никак не умнее. Мы, наше поколение, разбазарили Русь на Семибоярщину и на Семигенеральщину. И вместо того, чтобы “честно и грозно” строить просто русский престол — строили всякие семифилософские турысы на колесах. Вот — поэтому и за это и сидим здесь. И если судьбы наших детей и нашей Родины нам дороже, чем судьбы наших “самолюбий”, официально завершенных дактилоскопическими отпечатками на наших волчьих паспортах — то, может быть, Бог нам, наконец, поможет найти в себе нравственные силы и в борьбе со всякого рода самолюбиями — начать со своего собственного.

ПИСЬМО ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО СОЮЗА

Многоуважаемый Иван Лукьянович! Ваше письмо меня очень обрадовало, т. к. Ваша мысль о создании объединения монархистов почти не отличается от вашей мысли, разве только в некоторых деталях. Уже 29 декабря, после посланного мной письма г. Чухнову, мы пришли к убеждению, что, если бы все лидеры монархических группировок сговорились, то федеративное объединение могло бы быть создано. Пока я не получил ответа еще от г. Чухнова, по этому ответу жду.

Откровенно сказавши, в общем слияние даже монархических организаций я не верю, т. к. у каждой организации есть и свое прошлое и свои традиции и свои собственные правила и подчинение своим непосредственным начальникам. Конечно Вам может быть непонятен наш орденский подход в нашей организации, но, зная его, можно предполагать, что и в других подобных Союзах внутреннее положение может быть таким же. Вот почему самое правильное создать федеративное объединение монархических организаций и, если бы Главой этого объединения стал бы Великий Князь, не как претендент даже на Российский Престол, а как возглавитель общей монархической идеи, то такое объединение было бы мощным. В каждую монархическую организацию русские люди вступали бы по своему выбору и работали бы тем активнее, найдя себе организацию более близкую по духу. Но так как желтая организация находилась бы в этом федеративном объединении,

то общий монархический фронт был бы значительно увеличен. Если бы Великий Князь принимал бы активное участие как возглавитель объединения, то бесспорно федеративное объединение очень скоро окрепло бы и со временем ему можно было бы придать более сильную общую организацию. К своему названию каждая монархическая организация могла бы в скобках прибавлять — входит в федеративное объединение монархистов (Ф.О.М.) в своей печати всюду нужно было бы иметь общие лозунги этого федеративного объединения и т. п. Нам всем нужно, по моему, окончательно сговориться относительно общего плана создания объединения, после чего нужно сделать все возможное, чтобы Великий Князь согласился бы на возглавление.

Н. Глобачев
(Глава Росс. Имп. Союза).

ЦЕНА НОМЕРА:

Северная Америка — 25 ам. центов
Южная Америка — 1 арг. пезо.
Бельгия — 10 бельгийских франков.
Франция — 50 франц. франков.
Англия — 1 шиллинг.

В остальных странах — приблизительно из расчета 2 5ам. центов, с поправками на всякие “курсы дня” и с тем, что наших представителей редакция просит установить цену самим. Из тех стран, откуда это возможно, просим слать переводы непосредственно в адрес редакции деньгами, чеками или почтовыми купонами.

Цена номера и в подписке и в рознице одинакова. Подписка принимается на 10, 20, 30 и т. д. количество номеров.

Объявления:

о розысках 1 доллар
остальные — строка в
1 колонку 20 центов

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ
“НАШЕЙ СТРАНЫ”**

- América del Sur:**
Paraguay: Tijnovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.
Uruguay: Sr. Alejo Neyeloff, calle Talcahuano 3226, Montevideo.
Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8157, Bras. Sao Paulo.
Venezuela: Leo Oljovsky, Constitución 609, Valencia.
- Canadá:** G. Malycheff, 1530 W 7 Ave. Vancouvor B. C.
- U. S. A.:**
Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.
Mich. Novash 102 ave “A” — New York 3. USA.
- Germany, Brit. Zone:** Tr. Seuberlich Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.
Francia: “Kam”, 27, rue de Villiers Neuilly s/Seine, Seine.
England: V. Baratchevsky “Russian Book Shop”, 26, Tottenhamstr, London, W. 1.
Belgique: Mr. Slobodjanik, 50, rue de Garennes, Bruxelles, Boitsfort
Grecia: Mr. D. Filatoff, rue Dedalou 26. Athènes.

РОЗЫСК

Николая Кобельчуна и Романа Кобельчука, находящихся в Аргентине, разыскивает их племянник Феликс Герасимчук. Лич. знающих что-либо об их судьбе, просят писать по адресу:
Felix Herasymtchuk
Caixa Postal 1135,
Sao Paulo, Brasil

ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГАЗЕТЫ “НАША СТРАНА” НА АНГЛО-АМЕРИКАНСКУЮ ЗОНУ ГЕРМАНИИ ЯВЛЯЕТСЯ
Herr F. SEUBERLICH
Postfach 63, Wolfsburg (Krs. Gifhorn), Alemania

Глеб Томили.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

Все права сохранены за редакцией.

— А сюда мы другой дорогой ехали, — сказал Жучкин.
— Есть и другая дорога, — неопределенно ответил Еремей.
Жучкин и тем более Светлов не проявили особых достижений. Светлов навалил на себя трехпудовый мешок и стал карабкаться вверх. Он считал себя, вообще говоря, достаточно тренированным человеком — но на первой же сотне метров почувствовал, что из него вышел весь пар. Сжав зубы, помогая ногам свободной рукой, он все-таки полз и полз выше. Кровь стучала в висках, легкие готовы были лопнуть от напряжения, ноги отказывались разгибаться. Но все-таки первый тур этого грузового рейса был сделан — рытвина вышла на самый верх стены и дальше шел довольно пологий подъем вверх, поросший мелкой тайгой: тут снова можно было идти выючными конями. Но трехпудовый мешок составлял только одну двадцатую часть всего груза. Светлов стал сползать вниз, надеясь, что второй тур, по привычке, пройдет уже легче. Навстречу ему ползло что-то неопределенной формы: это

был Еремей. На его спине — связанные веревочной петлей высились два мешка — пудов этак на восемь, десять. Цепляясь тремя медвежьими лапами за всякую неровность рытвины и четвертой держа веревку, Еремей двигался с замечательным проворством. Сиднув наверху свою пошу, он также проворно скатился обратно, захватил два новых мешка и снова пополз наверх. Федя отставал от него очень мало. Жучкин, как истинный кавалерист, вообще мало привык к пешему способу передвижения. Но в общем груз был перенесен. Настала очередь коней.
Переднего коня Еремей сам потащил за недоузел. Остальные три участника экспедиции были вооружены болами и поставлены в промежутках между конями: если один из коней оступится и начнет скатываться — нужно упереть кол концом в землю и создать таким образом точку опоры для лошади. Но крикостые сибирские кони цеплялись своими крепкими мохнатыми ногами, как копыта, подымались медленно и осторожно, нащупывая копытами каж-

дый камешек и каждый корень. Кольца остались без употребления. Но когда последний конь стоял рядом с последним мешком груза, Светлов почувствовал, что, конечно, больше он не может. В груди было сухо и холодно, ноги подкапывались, руки дрожали. Еремей показал вдаль в гряды синевящих хребтов:
— Вот он, перевал.
Светлов поднес к глазам бинокль, но руки так дрожали, что зубчатая линия гор на горизонте прыгала во все стороны и ничего нельзя было рассмотреть.
— Тебе, паря, стакан водки можно, — сказал Еремей. — смотри, ты зетеный совсем стал, точно утопленника. — Еремей засунул руку в свой мешок и достал оттуда флягу, — на, хлебни малость. — Светлов хлебнул глоток какой-то очень крепкой и очень ароматной самодельной водки.
— Что это — самогон?
— Самогон, не самогон, а само гоним: баба моя большая искусница по всяким таким делам. — ну, нужно дальше двигать.
— Дальше? — горестно переспросил Светлов.
— Обязательно дальше, завтра надо перевал переваливать — смотри ты, небо хмурится, а — вона там, видишь? — Еремей показал рукой на северо-запад. Светлов посмотрел и ничего не увидел. “Вона там, над гольцами — видишь, как курится — это бураны идут — не дай Господи,

потому и по этой путе карабкались, чтобы время не тянуть. Можно бы в обход, да это на сутки длиннее, а за сутки — и Бог ты мой, что тут может быть...
Навьючили и двинулись. Светлову казалось, что уже из последних сил. Жучкин тоже еле шевелил ногами. Но через два-три часа это ощущение пропало, заменившееся какой-то тупой механичностью движений. Двигались уже не по тайге, а по каменным осыпям гольцов, как во сне — пока не прогудел еремеевский крик:
— Ну, стой, сниматься на ночлег.
Здесь была маленькая ложбинка, прикрытая невысокой каменной грядой: на ложбинке росли чахлые кустики, на дне — лужа, которая в крайнем случае могла сойти за озерко — Еремей дал приказ развьючивать — и сам исчез.
— Ну, сегодня мерзнуть будем, — почему-то весело сказал Федя.
— Собачьи места. — подтвердил Жучкин. — никакого тебе прикрытия нету.
Покрытия, действительно, не было никакого. Вдали, впереди, освещенные румяным светом заходящего солнца, высились спелые хребты и между ними то, что должно было быть перевалом. Караван стоял, в сущности, в подножья этих хребтов. Здесь рос только чахлый кустарник и почти никакой травы. Еремей вынырнул откуда-то со стороны, неся на плеч-

Эмиграция высшей расы

Издающаяся в Буэнос-Айресе на немецком языке газета “Фрайе Прессе” (“Freie Presse”) продолжает ту же грустную политику крайнего шовинизма, которая уже обошлась Германия 1918 и 1945 г. г. Повидимому уроки этих двух катастроф ничему не научили даже и “Фрайе Прессе”.

В номере от 1 февраля газета поместила на двух языках — немецком и испанском — статью о “Проблеме Иммиграции”. Статья довольно точно изображает положение миллионов “смещенных лиц”, ныне находящихся в западной Германии и вызывает к человеколюбию зарубежских стран. Все это, конечно, правильно. Но в конце статьи оказывается, что это человеколюбие должно распространяться только на высшую расу. Те же смещенные лица, которые к высшей расе не принадлежат, — Ди-Пинных национальностей, оказываются деморализованными пребыванием в лагерях и никак не представляют собою полезного элемента. Дальше перечисляются все те качества не немецких смещенных лиц, о которых много раз писала немецкая пресса в Германии: они, де, спекулянты, воры, преступники и прочее. Немецкая пресса постаралась не опубликовать на слишком видном месте официального заявления ген. Клая, данного им на прессконференции в мае прошлого года, в котором было сказано, что процент преступности среди иностранных смещенных лиц в два раза ниже, чем среди коренного немецкого населения. Точнее: среди немецкого населения 3,8%, среди “смещенных лиц” — 1,8%.

...В прошлом году та же “Фрайе Прессе” дала очень подробный отчет о книге ген. Хольмстона “На заколоченных путях”. В этом отчете не было сказано ни одного слова о пелой главе книги, где говорится, как “безумная политика Гитлера и Розенберга” превратила красную армию в русскую армию” и этим

предопределила разгром Германии”. Об этой подробности “Фрайе Прессе” предпочла промолчать. То-есть совершила маленький подлог: извлекла из книги все то, что могло бы служить к вящей славе немецкого оружия — и начисто замолчала те причины, которые вызвали и войну и катастрофу.

В номере от 11 января той же газеты помещена длинная статья под таким заголовком: “Почему мир не любит немцев?”

Вот по этому и не любит.

oooOooo

Если бы у “Фрайе Прессе” (“Freie Presse”) мыслительный аппарат был бы в полном порядке, то газета, вероятно, поняла бы одну совершенно простую вещь: будущее Германии зависит от того и только от того, будет или не будет драться Красная армия в будущей войне. Чем больше война будет приближаться к характеру анти-русской войны — тем выше будет боеспособность красной армии. А если красная армия захочет воевать — то от Германии не останется вообще ничего — шютт унд аше (“Schutt und Asche”) — по классическому выражению германских военных сводок.

oooOooo

Два раза в жизни нашего поколения умные люди Германии — вот такие, какие сидят в редакции “Фрайе Прессе”, соорили столкновение двух народов, которым сталкиваться нечего. Оба раза русский народ выиграл очень мало, — но Германия выиграла еще меньше. Умные люди Германии — вот такие, какие сидят не только в “Фрайе Прессе”, оплачивали Ленина и Троцкого, помогали им строить воздушный флот и артиллерию, давали кредиты и техническую помощь и теперь в Берлине вместо гегелевского “мирового духа” сидит маршал Соколовский. В первую и во вторую мировую войну те же умные люди планировали раз-

дел России — и теперь Германия поделена на целых четыре зоны. Умные люди из “Фрайе Прессе” — и не из нее одной — предполагают, что та анти-русская, анти-какая-хотите шовинистическая пропаганда, которую они, эти умные люди, ведут и в Германии и в Аргентине заставит мир полюбить немцев и заложит фундамент нового тысячелетнего четвертого Райха. Однако, в с я к и й человек, смещенный или не смещенный, эллин или иудей, читая шовинистические упражнения немецкой печати, никакой любовью к немцам не восплачет. И всякий русский человек — белый или красный, зеленый или фиолетовый — будет драться против всякого Райха — первого или последнего, если этот Райх посягнет на существование России. А если этот человек будет драться — то, наступая за Рейн или отступая до Вислы — он не оставит на территории Райхов ни одного камня ни на одном камне. Антирусская политика Германии есть, конечно, политика убийства. Но она же есть и политика самоубийства. Самоубийство Третьего Райха началось в истребительных лагерях для русских пленных и кончилось в подвале Имперской Канцелярии. И об этом в книге ген. Хольмстона есть достаточно яркие данные: почему “Фрайе Прессе” не упомянула о них?

oooOooo

Автор этой статьи провел в Германии последние десять лет. На основании личного опыта он хотел бы сказать, что немецкий народ и по умственному и по моральному уровню стоит безмерно выше “Фрайе Прессе” (“Freie Presse”), по имени ему, этому народу, приходится расплачиваться за доблести и добродетели немецкого ведущего слоя — того слоя, который начисто забыл основной внешнеполитический завет кн. Бисмарка: не воевать с Россией. Два эксперимента были проделаны — в первую и во вторую мировую войну. Хочет ли “Фрайе Прессе” попробовать еще и в третий раз?

че мешок — как оказалось с овсом, припрятанным по дороге сюда. Из хвороста, кустарников и всякой дряни разложили небольшой костер и сварили похлебку.

— Ты бы, папаша, по случаю такого собачьего холода, уж хоть по стаканчику благословил бы, а то замрзнем.

Еремей благословил по стаканчику. Но не помог ни стаканчик, ни костерчик — ветер, скользя по каменистым осыпям гор, уносил влать и тепло от костра и тепло от человеческих тел. — “А завтра — самый тяжелый день будет, — предупредил Еремей. — вот, перевалим, даст Бог, — отдохнем”.

День, действительно, выдался тяжелый... Еремей неспадно гнал и лошадей и людей. И ему, и Феде, все казалось, было нипочем. С двух более слабых коней оба Дубины взяли даже по части груза. Еремей с мешком за плечами и с винтовкой в руках бегал кругом каравана, как будто был он деревенской собачкой, а не таежным метелем. Конни осторожно ступали по каменным осыпям, людские ноги скользили и Еремей все время покрикивал:

— Ходи толком, свернешь ногу — нести придется: смотри гляделками, а не смотри ртом, держись веселее,

ать-два, ать-два, я вам сейчас в военный оркестр заиграю — тум-бум-бум...

Дорога шла все вверх по голому подъему, заваленному камнями разной величины. Тайга осталась далеко позади, впереди все ближе и ближе белели снежные голыши: караван временами вслугивал горных баранов. Огромные животные, завидев людей, с любопытством подымали головы — и потом в несколько прыжков исчезали из виду. У Светлова зачесались было его охотничьи руки, но Еремей снова поднял свой указующий перст:

— Не надо все равно — взять некуда, и без барабана — дай Бог только бы добраться.

С каждым часом Еремей понукал все настойчивее, становился все беспокойнее и суетился все меньше.

— Нужно надать, землячки. — смотри — баран на пиз идет, в тайгу значит, прячется, не к добру это.

В низинах уже стоял лед. громада перевала надвинулась совсем близко — вот-вот, рукой подать, ландшафт принимал все более и более печеловеческий характер: серо-черные глыбы камня, снег и лед между ними, справа и слева разорванные гребни вершин, впереди широкая щель перевала.

Светлов шагал сравнительно бодро, но Жучкин начинал славать.

— Я, папаша, в кавалерии обучался, а не в пехоте ходить — по штату не положено.

— Тебе по штату — в слабосильную команду. Вишь, сколько сала на советских хлебах наел.

— На советских хлебах, папаша, никакого сала не наешь — что слямзил, то и съел. Мы, папаша, не хлебом, а кооперацией питались.

— Ты мне насчет таких слов и не говори — “слямзил”! Совсем бесстыжий человек стал.

— Да я, папаша, не у людей слямзил, а у большевиков.

— А что тебе — большевики не люди?

— Это как на чей вкус, папаша, на метельный, может и люди.

— Большевики есть двуногое существо, питающееся кооперацией, — умехнулся Светлов.

— Ну, чем ты там ни питался, а сала с тебя сбавить нужно, смотри — весь выдохся.

Жучкину, действительно, приходилось туго. Но подъем уже кончался. Перевал постепенно сужался и скоро путь пошел между двумя обрывистыми склонами, покрытыми только снегом.

(Продолжение следует).

LA EMIGRACION DE RAZA SUPERIOR!

(Viene de la pág. 1*)

mania, — como los que se anidan no sólo en el “Freie Presse”, han pagado los gastos de Lenin y Trotsky, les han ayudado a crear su flota aérea y su artillería, les facilitaron créditos y apoyo técnico. Como resultado: en Berlin, en lugar de “espíritu rector mundial” hegeliano, está entronizado pesadamente, el muy soviético mariscal Socolovskiy. En la guerra mundial primera y en la segunda, los alemanes “sesudos” han planeado muy prolijamente el desmembramiento de Rusia — ahora Alemania, muy roida, está cortada, nada menos que, en cuatro pedazos.

Los “sesudos” de “Freie Presse”, y no sólo de allí, creen que esta propaganda antirrusa y chauvinista en general, que ellos, “los sesudos”, avivan en Alemania y en Argentina, impelerá al mundo a querer a los alemanes y echará los cimientos de un nuevo y millenario Reich N° 4. Sin embargo, ningún hombre desplazado o no, griego o judío, al leer las elucubraciones chauvinistas de la prensa alemana, sentirá surgir en su pecho ningún sentimiento tierno hacia los tudescos. Y todo ruso — blanco o rojo, verde o violeta, combatirá contra cada Reich, el primer o el último, si este Reich osará amenazar a la existencia de Rusia.

Y, si cada ruso combatirá, avanzando más allá del Rin o retrocedimiento sobre el Vístula, **no quedará en la tierra alemana ni una piedra, puesta sobre otra piedra.**

La política antirrusa de Alemania es, por cierto, una política de asesinato. Pero, al mismo tiempo, es una política de suicidio. El suicidio del tercer Reich empezó en los campos de aniquilamiento para los prisioneros rusos y se consumó en el sótano de la Cancillería Imperial. Con respecto a este asunto, hay muchas cosas interesantes en el libro del general Holmston — porque no ha dicho nada, al respecto, el “Freie Presse”?

* * *

El autor de este artículo ha pasado los últimos diez años en Alemania. Por su propia experiencia, puede afirmar que, intelectual y moralmente, el pueblo alemán está en un nivel infinitivamente superior al de “Freie Presse”. Pero, precisamente a este pueblo le tocó pagar por las hazañas y bravuconadas de su clase dirigente, que ha olvidado, por completo, a la básica directiva del príncipe Bismarck, para la política exterior alemana: “Nada de guerras con Rusia”. Dos experimentos han sido efectuados — la primera guerra mundial y la segunda. Anhela el “Freie Presse”, al tercer?

ВЕНЕЦУЭЛА

Нашим представителем в Венецуэле является

Leo Oljovsky
Constitución 609,
Valencia, Venezuela

которому мы просим направлять подписную плату и все суммы, предназначенные для редакции.

В Каракасе газета продается у Русской Церкви.

Цена отдельного номера — 0.75 боливара.

Imprenta “Dorrego” — Dorrego 1102.